Артист должен чувствовать, что театр в нем нуждается

(Окончание. Начало на 2-й стр.).

вился, никто не помнит мизансцен, а мы это называем «золотым фондом». Пусть зрители соскучатся по каким-то названиям, пусть артисты за время своей творческой жизни успеют попеть разный репертуар. Кроме того, при узком репертуаре в течение сезона формируются вокальные ансамбли, труппа осознает себя как коллектив людей, которые знают друг друга по совместной работе. При обширном, разбросанном репертуаре солисты годами не встречаются друг с другом. Сейчас есть ощущение труппы и ее реальные возможности. Две премьеры в сезон — это нормальная нагрузка труппы. Но эти премьеры должны учитывать реальные творческие силы труппы и, может быть, даже предупреждать некоторых артистов в конце сезона, что они могут планировать в предстоящем сезоне интенсивную работу за пределами Большого театра. Мы уже признали, что наша оперная труппа сформирована неправильно, поэтому я не удивляюсь, что в зависимости от репертуара кто-то много занят в течение сезона, а кто-то предельно мало. Конечно, если бы театр смог перейти на договорную систему, это решило бы многие творческие проблемы и, видимо, проблему оплаты труда, соответствующую общепринятому мировому уровню.

Договорная, или, контрактная система, в частности, повысила бы ответственность артиста за свои афишные спектакли, с одной стороны, а с другой — заставила бы театр выполнять принятые на себя обязательства. Пока же и театр, и артисты лишены возможностей, связанных с перспективным календарным планированием.

Сейчас много говорят (и пишут) о необходимости поднимать уровень культуры, уделять больше внимания духовному развитию народа и в этом процессе большое место уделяют музыке. Понимаю, аналоги спорны, но на Западе обеспеченный театр за месяц-два приобретает билеты на интересующий его спектакль с тем составом исполнителей, который он хочет слы-

шать. Он готовится заранее к этому спектаклю, для него посещение театра — событие. Мы же до сих пор радуемся, слыша слова: «Нет ли лишнего билетика?». А ведь истинный театр заранее готовится к посещению театра — внутренне, да и внешне — тоже (но это — уже другой разговор).

Мы так долго были отгорожены «железным занавесом» от цивилизованного мира, что не имеем современного опыта управления театральным делом, мы до недавнего времени с презрением говорили о меценатстве (забыв отечественный дореволюционный), а сегодня руководство театра ищет возможность для того, чтобы вырваться из «объятий» административно-государственной системы и обрести экономическую самостоятельность. До каких же пор Большой театр будет лишен возможности тратить заработанные средства на свои нужды?..

Сегодня солист оперы Большого театра, выезжающий на гастроли за рубеж, зарабатывает за месяц больше, чем за сезон у себя дома. В течение года многим группам населения нашей страны повысили зарплату. На работников Большого театра это не распространилось. В стране грядет повышение цен, а в каком финансовом положении встретит его мы? Мы давно слышим о переходе театра на новые условия хозяйствования, которое сулило повышение оплаты труда, но реальных шагов к изменению сложившегося положения нет. Создается ситуация, когда, с одной стороны, говорится о необходимости сделать культуру достоянием народа, а с другой — забота о работниках культуры отсутствует. Артист не чувствует, что он нужен обществу, что общество в нем нуждается. Мои коллеги согласятся, что артист ни в чем не нуждается так остро, как в уверенности в том, что труд его необходим, уважаем... Мы без конца говорим об остаточном принципе существования культуры, но ситуация не меняется.

Ред. Вы говорили о том, что старые спектакли, поставленные 20—30 лет назад, отжили свой сценический век. Но в различ-

ных изданиях, а порой и по телевидению приходится знакомиться с таким мнением — театр не должен отказываться от своего классического наследия, это — культурное достояние и т. д. в том же плане. Правда, в основном это относится к балетным спектаклям...

Н. В. Театр — живой организм, нельзя не считаться с этим. Но, снимая спектакль с репертуара, я предложил бы обязательно фиксировать его на пленке со всеми составами исполнителей — это для истории необходимо. Но время выдвигает новые идеи, которые реализуются и в произведениях искусства. На каждом спектакле лежит печать времени. И если «Борис Годунов» или «Хованщина» — спектакли 40-х годов, то «Млада», «Орлеанская дева» — спектакли, созданные в конце XX века. Пусть и войдут в историю каждый из спектаклей как продукт своего времени.

Наше ТВ еще не научилось качественно снимать оперные спектакли, и мы можем только завидовать нашим зарубежным коллегам. Но, думаю, в целях пропаганды оперного искусства Большого театра было бы целесообразно заключить соглашение о таких съемках с опытной зарубежной фирмой, а реализация видеокассет могла бы принести театру и соответствующую прибыль.

Ред. В театре много говорят об отношении средств массовой информации, о критиках, пишущих о театре. Ваше отношение?

Н. В. У нас отсутствует оперативная театральная критика. Причем на протяжении десятилетий. Отсутствует практика: вчера — спектакль, завтра — рецензия. У нас даже на премьеру откликаются в лучшем случае через неделю. Если бы о Большом театре — его успехах и недостатках — писали регулярно на протяжении пятидесяти — шестидесяти лет, писали профессионально, заинтересованно, то в сегодняшних статьях никто криминала бы не видел, особенно, если бы писали больше и статьи отражали бы более широкий спектр мнений.

Допустим, появляется статья, что Васильев вчера пел плохо.

Напечатали. В этом ничего страшного, если через неделю публикуется статья, что Васильев пел хорошо. Это — норма. А у нас «Московская правда» напечатала статью «Вертер» без Вертера» и больше ничего об этом спектакле не писала. То есть я хочу сказать, что отсутствует анализ творческих процессов, происходящих в театре, нет уважения, не говоря уже о любви к артистам, а тон высказываний носит нередко пренебрежительный характер. И это — плохо.

Раньше Большой театр находился в поле зрения «отца народов», он изредка посещал спектакли, и поэтому, мне кажется, все старались быть в курсе дел Большого. Сейчас интерес к театру вспыхивает в связи с какими-нибудь скандальными публикациями. Критики приходят к нам в лучшем случае на премьеры и лишь по этим, премьерным, спектаклям судят о состоянии труппы. Артист не может работать без отклика зрителей, без оценки своей работы из зала. Я охотно доверяю мнению критика — завсегдакая Большая критика. Но где эти критики?

А как сам театр работает с критикой, со средствами массовой информации?

Вновь вернусь к опыту «Ла Скала». Готовится в театре премьеры. За три месяца до нее в газетах появляется реклама нового спектакля. Идут интервью «звезд», занятых в новой постановке, репортажи с репетиций, город, страна ждут события. Все знают — в «Ла Скала» готовится премьеры. А у нас? Что знали москвичи о готовящейся премьеры «Орлеанской девы», что прочли о ней, кроме анонса на здании Большого театра? Где интервью в газетах, на телевидении, по радио? А коллектив работал полгода — и как! Последние два месяца репетиции каждый день, утром и вечером, и не понимаешь, не знаешь, надо ли это кому-нибудь, — интереса нет.

А кого из солистов сегодняшнего Большого театра знает широкая публика? Каков престиж нашей сцены? В обозримом прошлом Сергей Яковлевич Лемешев говорил, что для него самое высокое и почетное

звание — солист Большого театра. У нас сегодня рейтинг артиста определяется не его успехами на сцене Большого театра, а выступлениями за рубежом, независимо от престижности сцены, где состоялось это выступление. Да и не интересует людей ни сцена, ни спектакль. Говорят с уважением и тайной завистью: «Он пел в Италии». А где? что? с кем?

Сейчас радио, телевидение без конца передают выступления Д. Хворостовского, а нас спрашивают: «Что же вы не берете его в Большой театр?». А может быть, у нас в театре есть певцы, не менее интересные, чем Д. Хворостовский? Но кто их знает? Неужели дело солиста Большого театра заботиться о рекламе своего искусства? Это — забота театра, он должен быть заинтересован в том, чтобы привлечь интерес к своим солистам. Надо приглашать в театр больше журналистов — пусть пишут о театре и о тех, кто в театре работает, о том, что театр делает. Пусть не только хвалят, но и критикуют, если им что-то не нравится, но пусть пишут. Театр живет, работает — это главное. Если по радио, телевидению люди слышат наших солистов, они сами будут иметь возможность решать, хорошо это или плохо, а не верить кому-то на слово.

Большой театр должен заставить с собой считаться, не просить, а требовать. Нужны четкие деловые отношения театра и Гостелерадио, закрепленные соответствующим договором. Руководство театра должно давать заявку, заказ на запись в Гостелерадио, на фирму «Мелодия». Художественная коллегия определяет, кто из артистов заслуживает пластинки, телесюжета, радиопортрета и т. д. Сейчас же в подавляющем большинстве такие материалы являются результатом активности самих артистов. Когда эту проблему удастся решить, широкая аудитория будет знать тех, кто сегодня выступает на сцене Большого театра, поймет, что в театре идет интересная творческая жизнь, что на смену старшему поколению кто-то пришел, что исполнительские традиции Большого театра не прервались. Подобная акция, с одной стороны, поднимет престиж Большого театра, а с другой — артисты, которые нуждаются не только в высокой зарплате, но и в уважении, даже, не боюсь это сказать, любви, — почувствуют, что они нужны театру, что театр заинтересован в их творческой работе.